

Формально-грамматические изменения не выходят за рамки языковой нормы, т. е. являются узуальными, их наличие объясняется стремлением автора актуализировать внутреннюю форму фразеологизма и повысить его экспрессивный потенциал. К ним относятся грамматические изменения всего фразеологизма или отдельных его компонентов. Употребляя ФЕ в конкретных ситуациях, автор заменяет устоявшиеся грамматические формы, например: *Очень красивый. Глаз не оторвать. Романова и не отрывала* (Сентиментальное путешествие). В. Токарева объясняет читателю значение ФЕ в контексте (*очень красивый*), после чего использует глагол с изменением вида и формы.

Значительно реже в текстах В. Токаревой встречается экспликация формы ФЕ, то есть раскрытие в контексте исходного образного представления, ситуации, явившихся базой образования ФЕ: *И вот тогда-то Миша не сможет укунить свой локоть, который тем не менее будет очень близок* (Где ничто не положено); *Маргарита Полуднева стояла как кость в горле. Ни проглотить, ни выплюнуть*. Он вдруг понял, что *задохнется, если не увидит ее* (Ничего особенного).

Еще одним способом окказиональной фразеологической деривации является образование ФЕ по аналогии. Такие фразеологизмы более ярко и выразительно называют то, что когда-то в языке уже получило свое наименование применительно к данной ситуации или событию. При образовании ФЕ В. Токарева использует словообразовательные средства языка. Так, по существующей модели *трудиться как пчелка* В. Токарева создает ФЕ с глаголами *жужжать* и *жалить*, лексему *пчелка* заменяет непроизводным словом *пчела*, см.: *Тетя Тося трудилась как пчелка и жужжала и жалила как пчела* (Террор любовью). Контраст в данном случае возникает по той причине, что В. Токарева, используя однокоренные слова и сходную структуру, дает персонажу как положительную, так и отрицательную характеристику.

Проведённый анализ позволяет заключить, что В. Токарева активно преобразует фразеологические обороты в целях обновления образности и воплощения художественного замысла. Автор стремится дать более точную оценку новым ситуациям, внести добавочные значения. Трансформированная ФЕ становится средством выражения авторской индивидуальности, вносит разнообразие в художественный текст, позволяет представить, как картина мира пропущена через индивидуальное сознание автора. Благодаря семантическим и структурно-семантическим видоизменениям ФЕ реализуется творческий потенциал писателя, усиливается языковое воздействие на читателя.

Литература

Мокиенко, В. М. Многозначность слова и этимология фразеологизмов // Проблемы фразеологии. Межвузовский сборник научных трудов. – Тула, 1980.

Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

Summary. The article describes the ways how the phraseological units are transformed in the literary discourse of V. Tokareva. The idea that transformed phraseological units are means of author's individuality of the writer is explicated.

Плужникова Д. М.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ЛИРИКЕ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ¹

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
dageeva24@rambler.ru

В последние годы усилился исследовательский интерес к фразеологизмам, содержащим в своём составе имена существительные с исходным значением наименований частей тела человека или животного (Бердникова, 2000; Занковец, 2007; Смирнова, 2011;

¹ Проект выполнен в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» на 2013 г. (проект 6.8195.2013).

Чой Юн Хи, 2001 и др.), что связано с давним и устойчивым интересом к этой группе лексики. Рассматривая фразеологизмы эстонского языка, имеющие в составе слова – названия частей человеческого тела, обозначенные автором как соматические, Ф. Вакк делает вывод, что они являются одним из древнейших пластов фразеологического состава эстонского языка. Понятие «соматический фразеологизм» применительно к материалу русского языка употребляет, в частности, Э. М. Мордкович в своей статье «Семантико-тематические группы соматических фразеологизмов». Не вызывает сомнений, что причиной постоянного внимания исследователей к соматизмам является мысль о том, что «процесс осознания себя среди окружающей действительности и определение себя как личности человек начал из ощущений, возникающих непосредственно через органы чувств и части собственного тела» (Смирнова, 2011: 204).

Поэтизация соматизмов – излюбленный художественный приём Беллы Ахмадулиной. Способы их включения в текст различны: оригинальные метафоры, изысканные перифразы, диминутивные формы, архаизмы, партонимы и др. Соматическим фразеологизмам (именно фразеологизмам!) уделено сравнительно небольшое место в общем строе «соматической лексики» поэтессы, однако приёмы их использования в лирике Б. Ахмадулиной достаточно разнообразны и интересны. Заметим, что термин «фразеологизм» вслед за известными учеными мы понимаем достаточно широко, включая в этот пласт собственно идиомы, пословицы, поговорки, крылатые выражения, тем более что все, что «больше слова» создает для поэта особые трудности включения в поэтический текст, и исследовать, как эти трудности преодолеваются и какой выигрыш в экспрессии приносит поэтическая фразеология, в том числе паремиология, весьма заманчиво.

Поэтесса с уважением относится к фразеологическому фонду языка и многие формы использует в их узувальном значении, т. е. включение фразеологизма в поэтический текст отнюдь не означает обязательную его трансформацию. Приведём соответствующие примеры: *Мой врач ещё меня не уличил, / но зря ему я голову морочу, ведь всё, что он лелеял и лечил, / я разом обожгу иль обморожу («Озноб»); Смотрите, глаз не отрывая! / Трамвай – по лугу? Вздор какой! / Наверно, слышит звон трамвая / художник, спящий в мастерской? («Зеленый луг»)*. Однако уникальное словесное окружение соматического фразеологизма насыщает его новыми красками. *Его жильцов разнообразных, / которым не было числа, / подвыпивших, поскольку праздник, / я близко к сердцу приняла («Дом»); Сведенные враждой, плечом к плечу / стояли мы. («Приключение в антикварном магазине»)*.

Вместе с тем Белла Ахмадулина талантливо использует разнообразные приёмы трансформации. Обратимся к примерам. Фразеологизм *в мгновение ока* во всех случаях встречается с усечением предлога *в*. При этом семантика словосочетания сохраняется: *Мгновенье ока – вдохновенье губ – / в сей миг проник наш недалёкий гений («Свет и туман»); Глаз дня прикрыт – мгновенье ока: тьма – / и снова зряч («Гряда камней»)*.

Помимо редукции компонентов фразеологизма в поэтических текстах О. И. Ревуцкий и С. Б. Кураш отмечают различные способы соединения двух и более разных фразеологизмов в едином контексте (Ревуцкий, 2001: 276). *Мгновенье сомкнутого ока / мою зеницу бережет («Я – лишь горы моей подножье...»)*. В этих строках угадывается контаминация фразеологизмов *в мгновение ока* и *беречь (хранить) как зеницу ока*. Основанием для их объединения служит созвучие и общность опорного компонента – ОКО.

Весьма распространённый приём трансформации фразеологизма – одновременная реализация в словосочетании его фразеологического и нефразеологического значения, т. е. его семантики как свободного словосочетания. «При этом свободное значение получает соответствующую контекстуальную поддержку» (Ревуцкий, 2001: 277): *бурело-получает соответствующую контекстуальную поддержку («Постоялец вникает в реестр проявлений...»)*. Значение *ма добытчица рубит сплеча* («Постоялец вникает в реестр проявлений...»; 2. 'быть резким в фразеологизма (1. 'действовать, поступать прямолинейно, необдуманно'; 2. 'быть резким в суждениях, говорить прямо, не считаясь ни с кем и ни с чем') меняется в контексте со словосочетанием *добытчица бурелома*. В результате фразеологизм получает новое, подчас ироническое переосмысление: *Под гильотину ледяной струи / с плеч голова покорно полетела. / О умывальник, как люты твои / чудовища – вода и полотенце («Воскресный день»)*.

Поэтессой используется также приём заимствования формы фразеологизма при наполнении её иным, нефразеологическим содержанием. *Здесь поворот – но здесь не разглядеть / от Паршина к Тарусе поворота. / Стоит в глазах и простит весь день /*

все-близны сплошная поволока («Ревность пространства. 9 марта»). Значение 'мысленно представляться буквальным' переходит из разряда воображаемого в реально существующее, конкретное, ощущаемое, в результате чего фразеологизм получает новое, неожиданное осмысление при сохранении основной направленности образных ассоциаций.

Фразеологизмам с соматическим компонентом ЛОБ отводится особое место (примерно 20% от общего числа соматических фразеологизмов). В большинстве зафиксированных случаев ЛОБ сочетается с именем существительным ПЯДЬ, старинной мерой длины. Узнаваемая поговорка *семи пядей во лбу* в текстах Б. Ахмадулиной реализуется различными способами. Например, значение фразеологизма 'об очень умном, мудром человеке' усиливается приставкой *над-* со значением превосходства (сверх чего-нибудь): *Строй горла ярко наг и выдан пульсом пенья / и высоко над ним – лба над-седьмая пядь* («Ларец и ключ»). Гиперболизирует экспрессию графическое выделение приставки дефисом и конкретизация локальности *высоко над ним*, которую можно трактовать двояко: и как «место расположения» лба по отношению к горлу, и как интеллектуальное превосходство.

Значение преобладания может достигаться путем замены компонентов фразеологизма: имени числительного *семь* на *девять*. Число *семь* является знаковым, сакральным для русской культуры, что находит подтверждение в большом количестве устойчивых выражений: *семеро по лавкам, на семи ветрах, семь смертных грехов, ругаться в семь этажей, седьмая вода на киселе, до седьмого пота, на седьмом небе, семимильными шагами, семь потов сошло, семь пятниц на неделе, за семью замками, книга за семью печатями* и др. У Б. Ахмадулиной читаем: *Лбом в девять пядей помнить девять дэвов!* («Памяти Симона Чиковани»). Семь пядей – образ интеллектуального могущества – заменяется числом девять – символом полноты и совершенства.

В творчестве поэтессы в ряде случаев можно отметить дистантное расположение частей фразеологизма, сопряжённое с инверсией: *Заблудший недоученик, / я, самодельно и вслепую, / во лбу желала учинить / пядь своедумную седьмую* («19 октября 1996 года»).

Интересным представляется пример трансформации фразеологизма *мороз по коже*. Лексема КОЖА заменяется соматизмами ЛОБ и ЛОПАТКИ: *Какой мороз во лбу! Какой в лопатках ужас!* («Взойти на сцену»). Значение страха, испуга вербализуется именем существительным *ужас*. Любопытно, что в отличие от исходной формы фразеологизма, это воздействие (*мороз*) не внешнее – *по коже*, а внутреннее – *во лбу, в лопатках*, «что подчёркивает степень проявления чувства» (Бердникова, 2000: 32).

Независимо от авторских преобразований фразеологизма, в поэзии Б. Ахмадулиной ЛОБ становится образом-символом ума, мудрости и интеллектуального превосходства: *Меж нами сходство есть, соитье розных родин. / Лишь глянет кто-нибудь, желая угодить, / в какой из них рождён наш многосуший ордер, – / разгадке не нужна во лбу седьмая пядь* («Портрет, пейзаж и интерьер»).

Можно заключить, что фразеологизмы с компонентом-соматизмом обладают яркой экспрессивностью и образностью. Структурные и семантические способы их трансформации в контексте лирического произведения подчиняются авторскому замыслу, расширяя привычное значение, способствуя увеличению информативной ёмкости образного контекста, углубляя ассоциативную мощь слова. Это подтверждается богатыми приёмами индивидуально-авторского преобразования фразеологизмов в поэтическом творчестве Беллы Ахмадулиной.

Литература

Ахмадулина, Б. А. Полное собрание сочинений в одном томе / Б. А. Ахмадулина. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. – 856 с.

Бердникова, Т. А. О структуре и семантике фразеологических единиц с компонентом-соматизмом (на материале архангельских говоров) / Т. А. Бердникова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 12. – С. 28-34.

Занковец, А. А. Влияние различных лингвистических факторов на фразеологическую активность соматизмов русского и белорусского языков / А. А. Занковец // Вестник Белорусского государственного университета. Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика. – Минск: Изд-во БГУ, 2007. – № 2. – С. 70-75.

Ревуцкий, О. И. Индивидуально-авторское преобразование фразеологизмов в современной русской поэзии как способ формирования образного контекста / О. И. Ревуцкий, С. Б. Кураш //

Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: Матер. Междунар. науч. конф. – Гомель: Изд-во ГГУ, 2001. – С. 276-280.

Смирнова, Т. А. Фразеологическая картина мира русского и украинского языков (на материале соматических фразеологизмов) / Т. А. Смирнова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» – Симферополь: Изд-во ТНУ, 2011. – Том 24 (63). – № 2. – Часть 1. – С. 203-208.

Чой, Юн Хи Проблемы сопоставления внутренней формы фразеологизмов (на примере соматических фразеологических единиц, образованных на основе слова «глаз» в русском и корейском языках) / Чой Юн Хи // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 16. – С. 37-49.

Summary. The article deals with the basic techniques of author's individual conversion of idioms which include somatism as a component in the poetry of Bella Akhmadulina.

Стручалина Г. В., Чумак-Жунь И. И.
КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ
КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ¹

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
chumak@bsu.edu.ru

Фразеологизмы в современной лингвистике рассматриваются как с позиций традиционной лингвистической парадигмы, так и с актуальных сегодня когнитивных позиций, на которые мы ориентируемся в работе.

Зарождаясь и развиваясь, человеческий язык служил целям передачи максимально полной информации об окружающей действительности от одного индивида другому. При этом трансляция информации должна была удовлетворять таким требованиям, как краткость, емкость и доступность. Емко передать словами бесконечно сложную и многомерную действительность (т. е. осуществить компрессию и декомпрессию информации) позволил древнейший механизм сравнения, выражения неизвестного через известное, механизм метафоры (когнитивной в первую очередь, по цели своего применения).

Замещающие какую-либо ситуацию лексические единицы осознаются собеседниками как «точные» или «неточные» эквиваленты предмета или явления. В первом случае в лингвистике говорят о внутренней форме (обычно имея в виду сферу номинации), во втором – о поэтической метафоре (и более широко – о тропах, образной речи). Это разделение представляется нам весьма условным и служащим, в первую очередь, определённым задачам структурирования. Так как любые жёсткие границы, даже проведённые с самыми благими целями упорядочения, в определённый момент начинают ограничивать познание, мы (в экспериментальном режиме и кратковременно) снимем противопоставление «обычной» и «поэтической» речи.

Передать ситуацию можно и одним словом (в момент опасности, например), но очевидно, что сфера применения таких лексических единиц ограничена. Невозможно и постоянно производить новые слова для всех возможных коммуникативных ситуаций. Экономно обходиться с языковыми ресурсами позволяет удачное в коммуникативном плане сочетание, которое повторяется и закрепляется в коллективном сознании до такой степени автоматизма, что употребляется бессознательно как единственный уместный вариант лексической сочетаемости. Обрастая культурными ассоциациями, это сочетание нескольких слов на определённом этапе срастается настолько, что может быть использовано как номинация для другой ситуации, другого явления, т. е. как фразеологизм. Поясним нашу мысль на примере.

Колокол – древнее слово, имеющее по оценкам лингвистов-этимологов несколько вариантов происхождения. Можно предположить, что все эти варианты сосуществуют в этимологических словарях до сих пор, так как каждый из них содержит убедительную мотивацию внутренней формы. В соответствии со словарем М. Р. Фасмера: «колоколукр. тивацию внутренней формы. В соответствии со словарем М. Р. Фасмера: «колоколукр. колокол, род.п. колоколу, цслав. клаколь, полаб. kluoküöl – то же. Праслав. *kolkoľь, веро-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» № 633662011.